

**ИСТОРИОГРАФИЯ. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ. МЕТОДЫ
ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

УДК 930(093.2)+94(470)''1914/1918''+''1918/1921''+271.2''благочинные''

**ИНФОРМАЦИОННЫЕ ДОКУМЕНТЫ ЦЕРКОВНОГО
ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ
ИСТОЧНИК (1914–1921 ГГ.)**

А. В. Сипейкин

Тверской государственный университет, кафедра отечественной истории, г.
Тверь, Россия

В данной статье анализируются рапорты благочинных Тверской епархии и другие информационные документы как источники по истории повседневной жизни православного прихода в годы Первой мировой и Гражданской войн. Автор приходит к заключению, что содержание рапортов благочинных более обстоятельно, чем официальное делопроизводство или публицистика, отражает положение дел в православных приходах. Они менее других видов документов были подвержены фильтрации информации и более точно передавали смысл событий. Рапорты благочинных содержат ценную информацию, отсутствующую в документах, отложившихся в фондах центральных архивов. В них содержатся данные о взаимоотношениях между членами причта, между прихожанами и священниками. Многие авторы отчётов были хорошо информированы о частной жизни прихожан.

Ключевые слова: *рапорты благочинных, Первая мировая война, Гражданская война, советская антирелигиозная политика, советская антицерковная политика, православный приход, повседневная жизнь*

В начале XXI в. развитие источниковедения истории Русской Церкви XX в. остается актуальным направлением исторических исследований. К настоящему времени исследована протокольная документация центральных партийных органов, материалы следственных дел против представителей Православной церкви и т. п. Предпринимаются попытки изучить советские газеты как источник по истории церковно-государственных отношений и формирования антирелигиозной идеологии¹. В монографиях чаще стали появ-

¹ *Фирсов С. Л.* «Власть и огонь»: Церковь и советское государство: 1918 – начало 1940-х гг.: очерки истории. М., 2014. С.148–163.

Firsov S. L., «*Vlast' i ogon'*»: *Tserkov' i sovetskoe gosudarstvo: 1918 – nachalo 1940-kh gg.*: *ocherki istorii*, М., 2014, S. 148–163.

ляться обзоры использованных источников². Однако следует отметить, что основное внимание уделяется документации, созданной в центральных органах власти. Между тем, значение документов, созданных региональными органами власти, также нельзя недооценивать. Так, исследователями, использующими в качестве источников отчётные документы, созданные представителями Русской Православной церкви, отмечается, что об объективности представленных в них сведений можно лишь с большими оговорками, поскольку на каждой ступени административной иерархии приходилось искажать объективное положение дел. В связи с этим отмечается особая роль отчётов благочинных, наиболее осведомленных о событиях на местах³.

Деятельность благочинных Тверской губернии по составлению отчётов епархиальному начальству регулировалась распоряжением епархиального начальства от 1 сентября 1909 г.⁴ На качестве рапортов не могло не сказаться состояние церковного делопроизводства в целом. По признанию благочинного первого округа Корчевского уезда, «иные Настоятели приходских церквей, считая письмоводство исключительной обязанностью диаконов и псаломщиков, не обращают на это дело своего внимания, и предоставляют диаконам и псаломщикам делать ошибки во всех церковных актах...». Недостаточное внимание, которое уделялось составлению документов, проявлялось и в несвоевременности представления благочинному годовых отчётов и прочих ведомостей. Это, по признанию благочинного, мешало своевременному и правильному составлению рапортов⁵. После революции 1917 г. архиепископ Тверской и Кашинский предписал «своевременно и подробно» доносить об обысках в церковных зданиях и реквизициях церковного имущества. В результате в фонде Тверского епархиального совета сохранилось много документов, рассказывавших о непростой истории отношений между советской властью и религиозными организациями. Однако данное указание выполнялось далеко не всегда⁶. Кроме того, часть дел (в том числе

² *Кашеваров А. Н.* Православная Российская Церковь и Советское государство (1917–1922). М., 2005. С. 51–64; *Шкаровский М. В.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущёве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах). М., 2005. С. 57–67.

Kashevarov A. N., *Pravoslavnaya Rossiiskaya Tserkov' i Sovetskoe gosudarstvo (1917–1922)*, М., 2005, S. 51–64; *Shkarovskii M. V.*, *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' pri Staline i Khrushcheve (Gosudarstvenno-tserkovnye otnosheniya v SSSR v 1939–1964 godakh)*, М., 2005, S. 57–67.

³ *Леонтьева Т. Г.* Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX вв. М, 2002. С. 15.

Leont'eva T. G., *Vera i progress: pravoslavnoe sel'skoe dukhovenstvo Rossii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv.*, М, 2002, S. 15.

⁴ Государственный архив Тверской области (далее – ГАТО). Ф. 160. Оп. 1. Д. 11172. State Archive of Tver Region (GATO), F. 160, Op. 1, D. 11172.

⁵ ГАТО. Ф. 160, Оп. 1. Д. 11173.

ГАТО, F. 160, Op. 1, D. 11173.

⁶ Там же. Д. 787.

Ibid, D. 787.

чрезвычайно с чрезвычайно важными документами, касающимися арестов православных священников) в описи фонда значатся выбывшими.

Рапорты благочинных ложились в основу ежегодных отчётов епископов о положении в епархии. В Государственном архиве Тверской области сохранились черновые варианты этих отчётов и связанная с их составлением переписка. Очень важно проанализировать те пометки и резолюции, которые делались архиепископом на прочитанных документах. Исследование рапортов благочинных позволяет воссоздать историю создания отчётов глав епархий и оценить информационные возможности тех документов, которые отложились в фондах центральных архивов. В ходе этого анализа важно определить то, что именно в рапортах благочинных привлекало внимание епархиального начальства и оказывалось достойным упоминания в обобщающем отчёте.

Для изученных документов характерно, с одной стороны, достаточно полное описание духовной жизни приходов епархии, с другой – определённая стереотипность в отражении ситуации. Отчёты некоторых благочинных содержат повторение из года в год одних и тех же пассажей. Для этих документов характерны штампы, своего рода «этикетные формулы». К их числу относится, например, констатация почти идеального состояния нравственности и благочестия после отмены торговли спиртными напитками. Иногда при этом сообщается, что население, особенно женщины, само просит не возвращать её: «Особенно рады женщины этому запрещению продажи питей: многие их мужья и дети совершенно переменились. Некоторые из них не являлись домой по несколько лет, а теперь явились и стали полезными членами семьи».

Война, по мнению авторов отчётов, способствовала возрождению благочестия среди народа, военные бедствия воспринимаются как наказание за грехи («мятущаяся душа народа ищет для себя успокоения в молитвенном общении со своими пастырями в храмах»), особенное благочестие проявляют женщины. Авторы рапортов отмечают, что верующие склонны объяснять обрушившиеся на Россию бедствия как наказание Божие за ослабление веры и «расшатанность нравственности». Этим они и объясняли более усердное, чем до войны и революции, посещение храмов⁷. Отмечается, что война повлияла даже на поведение молодёжи: «Настроение прихожан ... в начале текущей войны крупно изменилось в лучшую сторону. Бывали случаи, что деревенские парни, пожившие на стороне, демонстративно уходили из церкви, не желая слушать своего батюшку-проповедника, а теперь с глубоким смирением достаивают Церковную службу и внимательно слушают его проповеди. Храмы полны богомольцами, народ одумался, стал серьёзным; редко, где услышишь гармонику и песни, говорят батюшки»⁸.

⁷ ГАТО. Ф. 160, Оп. 1, Д. 11169, 11172, 11173.

ГАТО, Ф. 160, Оп. 1, Д. 11169, 11172, 11173.

⁸ Там же. Ф. 160. Оп. 1. Д. 11169.

Многие рапорты содержат интересную информацию об изменениях в настроениях прихожан во время войны, основанные не на штампах, а на реальных наблюдениях священников. Так, рапорт благочинного из Корчевского уезда сообщает ценные сведения об увеличении влияния средств массовой информации на массовое сознание: «большинство ... населения безусловно интересуется войной, читая газеты, которые в большом количестве выписываются и распространяются среди народа, ... раньше подобного не замечалось». В ряде документов отмечаются присущие прихожанам пороки: «Из пороков между прихожанами заметны: сквернословие, воровство лесных материалов, нарушение постов и табакокурение». Благочинные отмечают, «что в жизнь деревни, на смену пьянству, вкореняется другое зло, карточная игра, к которой обращается для заполнения своего досуга отрезвлённое деревенское население». Бороться с этим злом, по мнению автора документа, возможно «путём предоставления населению здоровых и полезных развлечений»⁹. Но в целом духовно-нравственное состояние народа оценивается достаточно положительно: «...Частичные проявления безверия, распущенности и хулиганства, вспыхивающие в некоторых местах и по особым причинам, скоро гаснут в общем массовом благочестии народном, поддерживаемом и питаемом добрым примером и деятельностью духовенства». В целом для рапортов характерно указание на большую предрасположенность к порокам тех, кто в большей степени причастен к соблазнам городской цивилизации: «К сожалению... приходилось слышать и наблюдать в глухих улицах карточную игру среди мещан-прядильщиков»¹⁰. Для отчётов сельских благочинных характерна тенденция рассматривать отхожие промыслы и большие города как фактор развращения православного населения, источник проникновения в народную массу морального развращения, неверия и сектантства¹¹. Вместе с тем, в отчётах городских благочинных сообщается, что в городах нет таких конфликтов священников с верующими на экономической почве, религиозность рабочих сохраняется.

Бурные события, начало которым было положено революцией 1917 г., обнаружили, что масштабы безверия были гораздо большими, чем это представлялось в отчётах благочинных. Особенную тревогу вызывало поведение молодёжи, на настроения и поведение которой сильно влияли советские газеты и избы-читальни. Молодые люди отказывались снимать шапки перед иконами, играли вблизи них на гармониях и балалайках. Такое поведение вызывало озлобление у представителей старшего поколения. Впрочем,

Ibid, F. 160, Op. 1, D. 11169.

⁹ ГАТО. Ф. 64. Оп. 1. Д. 84, 1169.

ГАТО, F. 64. Op. 1, D. 84, 1169.

¹⁰ Там же. Д. 11169.

Ibid, D. 11169.

¹¹ Там же. Д. 11169, 11172.

Ibid, D. 11169, 11172.

по мнению благочинного третьего округа Весьегонского уезда, протоиерея В. В. Образцова, к 1920 г. отношение к вере и церкви у молодёжи стало более благожелательным, выходки во время праздников прекратились¹².

В целом авторы отчётов отмечают высокий уровень патриотизма и лояльности населения, «преданности своему монарху». Рассказывается, что выпавшие на долю Родины в начале войны испытания прихожане переживают «с подъёмом духа», «покорностью и твёрдою верою». Националистические чувства отмечены только священником находящегося под Тверью села Городни: «Население волнуется засилием немцев, смущается, почему ещё немцы пользуются прежними правами»¹³.

Таким образом, как и для других отчётных документов, для рапортов благочинных характерна известная тенденциозность и стереотипность в отражении действительности. Для того, чтобы оценить степень соответствия этих штампов реальности, следует проанализировать исторический экономический, политический и социальный контекст, в которых функционировали эти документы. На наш взгляд, эта задача может быть успешно решена в рамках микроисторического подхода и функционального анализа роли религии в жизни российского общества в бурные годы Великой войны, революции и гражданской войны. В рамках этого анализа следует проанализировать ту роль, которую Русская Православная церковь традиционно играла в жизни российского общества, и исследовать изменения в функционировании институтов, связанных с православной верой, произошедшие в результате социальных деформаций, поразивших Россию в начале XX в. При этом представляется целесообразным учитывать тот факт, что, по меткому выражению Г. Зиммеля, «религия коренится в социальном, но выходит за её рамки». В рамках данного исследования предполагается сосредоточить основное внимание именно на анализе социальных корней религии, её обусловленности теми или иными общественными, политическими и экономическими тенденциями, и её влиянием на социум. Историко-софские рассуждения о провиденциальном влиянии на события, а также и вопрос о достоверности соответствующих интерпретаций, остаются за рамками данной работы.

Как явствует из изученных информационных документов, Русская Православная церковь действительно была чрезвычайно активно вовлечена в решение задач, вставших перед Родиной в годы войны¹⁴. Это выражалось как в организации помощи фронту и семьям военнослужащих, так и в активной пропаганде. При этом представляется, что воздействие Православной церкви на общество можно рассматривать как мощный, но далеко не неисчерпаемый ресурс. Возможно, что чересчур тесная вовлечённость ду-

¹² ГАТО. Ф. Р-641. Оп. 1. Д. 787.

ГАТО, F. R-641, Op. 1, D. 787.

¹³ Там же. Ф. 160. Оп. 1. Д. 11169.

Ibid, F. 160. Op. 1. D. 11169.

¹⁴ Там же. Д. 11173.

Ibid, D. 11173.

ховенства в дело пропаганды идей патриотизма в годы Великой войны стала одной из причин временного ослабления роли церкви в годы революции и гражданской войны, когда идея продолжения братоубийственной «империалистической» войны стала вызывать отвращение. Вслед за этим негативные эмоции стали вызывать и все институты, которые способствовали освящению этой идеи, в том числе, к сожалению, и Православная церковь.

Изменение отношения к церкви и духовенству проявлялось, прежде всего, в нежелании прихожан участвовать в решении материальных проблем прихода. Ещё в годы, предшествующие 1917 г., священники постоянно жаловались на экономические трудности, плохое обеспечение и выражали надежду на обеспечение казённым жалованьем. Материальное положение духовенства характеризовалось как «ужасное». Очевидно, что соответствующие штампы рапортах благочинных объективно отражают общие для разных приходов тенденции. Рапорта благочинных пестрят живописными описаниями бедственного состояния духовенства. Рассказывается о подорожании всех необходимых продуктов, сокращении церковных доходов, о том, что церковная земля пустует в результате вздорожания рабочих рук, либо сдаётся в аренду, многие священники вынуждены сами взяться за плуг, или начинают заниматься пчеловодством и различными ремёслами. Особенно бедственное состояние отмечается у многодетных, обучающих своих детей в учебных заведениях¹⁵. К этому следует добавить, что церковные старосты неохотно тратили деньги на нужды как местных библиотек, так и духовных училищ. Главным для них были ремонт и отопление храмов.

Ситуация усугубилась с началом революции 1917 г. Как отмечалось в одном из рапортов, «вследствие газетной травли православного духовенства, почти все церковно-приходские Советы округа были настроены недоброжелательно», многие «постановляли уменьшить плату духовенству за разные требоисправления, не платить с церковью сборов на общепархиальные нужды...»¹⁶.

Однако, как явствует из отчётов благочинных, после прихода к власти большевиков отношение к духовенству снова меняется: «нападки на духовных лиц отсутствуют, за них даже очень держатся». После начала проведения политики отделения церкви от государства сильно изменилось и отношение многих прихожан к вопросу об обеспечении духовенства: «отношение прихожан к причту самое благожелательное, помогают и деньгами, а местами и хлебом, так что при такой страшной дороговизне на продукты, причты всё же не бедствуют». Причём объясняется это изменение именно антицерковной и антирелигиозной политикой властей.

Однако рапорты благочинных свидетельствуют, что экономическое положение городского духовенства стало ещё более тяжёлым. Оно было

¹⁵ ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 11169, 11172, 11173.

Ibid, F/ 160, Op. 1, D. 11169, 11172, 11173.

¹⁶ Там же. Ф. Р-641. Оп. 1. Д. 787.

Ibid, F. R-641, Op. 1, D. 787.

причислено «к третьей категории», что практически обрекало его представителей на голод. Причты Корчевского уезда ставили вопрос об организации помощи своим менее обеспеченным собратьям, но опасались возможной реакции властей. На Благочинническом собрании Зго округа Весьегонского уезда было принято решение об организации помощи духовенству Твери. Вместе с тем, в других отчётах отмечается, что сборы на епархиальные нужды сдаются прихожанами по-прежнему с большой неохотой. Более того, распространилось мнение, что «время обязательных сборов прошло, можно платить и не платить». Очевидно, что бытование подобного рода настроений во многом зависело от умения пастырей найти общий язык с пасомыми. Согласно отчёту благочинного четвёртого Бежецкого округа, священника села Теблеша Иоанна Новосёлова, после посещения им всех приходских Советов, их членам и старостам была «выяснена ... целесообразность всех мероприятий», намеченных на Чрезвычайном Тверском съезде от 24 ноября 1919 г. и «связанных с ними необходимых расходов». Более того, «Советы остались очень довольны подробным выяснением всех нужд епархии и на будущее время просили собирать и беседовать с ними». Все платежи, в том числе на восстановление пастырской школы, были признаны «нужными, ставки их очень скромными». Прихожане сразу внесли все платежи за целый год. Автором отчёта отмечается, что «приходская жизнь мало по малу входит в нормальную колею», «в отношении прихожан к своим причтам нет прежней озлобленности, а напротив появляется озабоченность к достаточному содержанию членов причта, удержанию их на местах и сожаление за прежние обиды и унижения», «крикуны против церкви и духовенства замолкли, так как нет им доверия никакого». Однако объезд благочинными всех приходов для разъяснения ситуации и объяснения необходимости церковных сборов не всегда представлялся возможным ввиду «страшной дороговизны подвод». Вместе с тем, в рапортах отмечается, что увеличение сборов на церковные нужды быстро сводилось на нет галопирующей инфляцией. Многие приходы не могли себе позволить приобрести церковное масло, свечи и церковное вино¹⁷.

Согласно рапортам благочинных, революция стала и фактором обострения отношений внутри причта. В рапортах периода Первой мировой войны рассказывалось о недостаточной квалификации псаломщиков и их неспособности и даже нежелании помогать священникам бороться с ослаблением религиозности населения. Благочинные жаловались на то, что низшие клирики водят дружбу с рядовыми прихожанами и настраивают их против священников. Но в целом делался акцент на мирных и доброжелательных взаимоотношениях членов причта¹⁸. После революции, согласно отчётам благочинных, некоторые дьяконы и псаломщики стали вести себя

¹⁷ ГАТО. Ф. Р-641. Оп. 1. Д. 784, 787

ГАТО, Ф. Р-641, Оп. 1, Д. 784, 787.

¹⁸ Там же. Ф. 160. Оп. 1. Д. 11169.

Ibid, F. 160, Op. 1, D. 11169.

по отношению к священникам и епархиальной власти «дерзко, нахально и неуважительно»¹⁹.

В целом в период после прихода к власти большевиков произошли серьёзные изменения в организации сбора информации о положении в приходах и характере её отражения в рапортах благочинных. Сравнительно небольшое, по сравнению с периодом до 1917 г., количество отложившихся в фонде Епархиального Совета рапортов может свидетельствовать как о менее аккуратном соблюдении правил благочинными, так и о потерях, которые понёс архивный фонд в результате «макулатурных кампаний» и недостатков в системе хранения документов.

Вместе с тем, доступные исследователю рапорта выгодно отличаются сравнительно меньшей, по сравнению с дореволюционными отчётами, стереотипностью и уменьшением значения штампов в отражении действительности. Советская власть явно рассматривалась священниками как безбожная и враждебная к Церкви, описываются многочисленные случаи реквизиций монастырского имущества и занятия монастырских помещений советскими учреждениями. Не менее драматично описывается отношение местной власти к представителям белого духовенства («Волостные исполкомы относятся к духовенству недоброжелательно и чинят оному при всяком удобном и неудобном случае неприятности и притеснения», «все причты живут как на вулкане»). Однако отмечались и случаи более доброжелательного отношения к Церкви со стороны представителей местной власти. Вот как описываются отношения с советской властью насельников Теблешского монастыря: «отношение местной гражданской власти и Комиссара к монашествующим благожелательное, конфликтов не бывает и во внутреннюю жизнь монашествующих гражданская власть не вторгается, предоставляя это ведению настоятеля». В документах находят отражение случаи, когда представители власти шли навстречу желаниям верующих. Например, отмечается, что в Корчевском уезде представители власти соглашались удовлетворить просьбу верующих не отправлять священников в тыловое ополчение и оставляли в распоряжении причта часть церковной земли. Более того, корчевские большевики посещали церковь и принимали у себя священников с иконами. Эти факты отмечаются автором рапорта как выгодно отличающие ситуацию в 1919 г. по сравнению с предшествующим 1918 г.²⁰ Интересно, что подобные «маятниковые» колебания представителей власти между яростной борьбой с религией и публичным участием в религиозных церемониях отмечаются также в документах партийного и советского делопроизводства и местной периодической печати²¹. При этом, разумеется, оценка подобных фактов в

¹⁹ ГАТО. Ф. Р-641. Оп. 1. Д. 787.

ГАТО, Ф. Р-641, Оп. 1, Д. 787.

²⁰ Там же. Д. 784.

Ibid, D. 784.

²¹ Тверская правда. 1920. 15 июн.; 16 июн.; Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. А-353. Оп. 4. Д. 383.

последних случаях прямо противоположна той, которая характерна для рапортов благочинных.

Рапорты благочинных содержат очень важные сведения, связанные с обвинениями представителей духовенства в участии в крестьянских волнениях. Так, в одном отчёте в связи с «дезертирскими восстаниями» отмечается, что духовенству «нужна была большая тактичность, чтобы не навлечь на себя какого-либо подозрения в сочувствии сему движению». Эта информация служит дополнением к данным, известным по следственным делам, хранящимся в фонде Тверского Революционного трибунала. Отчёты благочинных, написанные после октября 1918 г., рассказывают о различных способах, которые использовались духовенством для сохранения влияния Православной российской церкви на общество. Так, в условиях запрета на преподавание Закона Божия, священники стали больше уделять внимание исповеди, используя это таинство как способ устранения пробелов в религиозном образовании своих прихожан. Всё большее значение в деле катехизации стала приобретать и проповедь. Особой силы воздействия на прихожан, по мнению благочинных, достигала проповедь, произнесённая «живыми речами» на современные темы, затрагивающая внутреннее переживания верующих. В рапортах 1919 г. вновь, как и в начале Первой мировой войны, появляются сообщения о росте религиозности в народе, большом количестве молящихся в храме и стереотипном восприятии бедствий как наказания Божиим за грехи. («Разные народные бедствия... отрезвили народ»). При этом следует отметить, что эти слова, очевидно, не являлись данью традиции составления рапортов, идущей от дореволюционного времени. Они подтверждаются конкретными фактами, когда верующие пытались отстаивать интересы Церкви, например, подписывали петиции против разоблачения мощей и призыва священников на фронт, за сохранение преподавания Закона Божия в школах и т. д. В фондах ГАТО сохранилась часть подлинников этих петиций. По мнению благочинного 3го округа Корчевского уезда Иоанна Казанского, «совершается какой-то перелом в религиозно-нравственном состоянии народа». Авторы рапортов отмечают, что многие прихожане заинтересовались чтением Священного Писания, «особенно таинственным Откровением Св. И. Богослова». При этом верующие пытались использовать эту книгу как ключ к пониманию текущих исторических событий, и верили, что «недалёк конец развязки». Характерно, что, судя по рапортам, сами священники не участвовали в распространении связанных с этими настроениями слухов и объясняли их влиянием «мистицизма и заблуждения». И. Казанский объяснял повышение интереса к «Апокалипсису» тем, что народ не удовлетворён теми объяснениями событий, которые содержались в «Азбуке коммунизма» и другой социалистической литературе. Таким образом, рапорты благочинных содержат ценное свидетельство о рождении настроений, связанных с негативным отношением к советской дей-

Tverskaja pravda. 1920. 15 ijunya; 16 ijunya; State Archive of the Russian Federation (GARF), F. A-353, Op. 4, D. 383.

ствительности и эсхатологическим восприятием сложившейся ситуации, которые сохраняются в массовом сознании вплоть до позднесоветской эпохи. Отчёты благочинных позволяют получить информацию о степени успешности советской антирелигиозной агитации. Наряду с приведённым выше примером о негативном отношении населения к разоблачению мощей, можно отметить свидетельство о том, что «приезжающие агитаторы в своих речах уже мало касаются в своих речах духовенства и церкви, зная настроение народа...». Содержат отчёты благочинных и сведения о методах антирелигиозной работы. Так, описывается пример сыгранного кимрскими актёрами в с. Печетове спектакля «Тихая обитель», где «насмешки над духовными лицами, над религиозными чувствами фигурируют в каждом действии». По оценке священника, авторы спектакля не достигли своей цели: «играющие старались наглядно высмеять то, чего держится народ, но удивительно, – впечатление получилось отрицательное, многие возмущались этим». Источник позволяет судить о том, насколько успешно советская антирелигиозная пропаганда действовала на те или иные группы населения. Как и в дореволюционных документах, отмечается большая набожность женщин и представителей старшего поколения. Большой интерес представляют наблюдения священников над молодёжью. Хотя последняя, по свидетельству благочинного И. Казанского, «развращённа и индифферентна к религии», тем не менее, её представители не только не позволяют себе хулиганских выступлений, но даже ходят в Церковь и «исполняют долг христианской исповеди». Причём приходиться на исповедь стали даже те, кто не был на ней в течение нескольких лет²².

Представляется важным сравнить рапорты благочинных с другими видами документов, которые, с одной стороны, служили для них источниками информации, с другой – создавались на их основе. Сохранность последних по понятным причинам гораздо лучше. Среди отчётных документов, создававшихся на более высоком уровне управления, следует отметить, прежде всего, отчёты епископов. Ценность данного вида документа как источника во многом обусловлена готовностью его автора адекватно оценить ситуацию и признать наличие проблем в поднадзорной епархии. Анализ черновых вариантов отчёта по Тверской епархии, показывает, что тверской владыка в целом отдавал себе отчёт в стоящих перед Русской Православной церковью проблемах и не боялся признаваться в тех сложностях, которые возникали в его епархии. На страницах документа были приведены цитаты именно из тех рапортов благочинных, в которых сообщалось о стоящих перед церковью проблемах. Проблемы, возникавшие при решении задач организации помощи фронту, нашли отражение в отчётах архиерея о деятельности епархии в 1914–1916 гг. В них отмечается, что дело организации помощи семьям призванных на войну зачастую не налажено должным образом. Отчёты о деятельности попечительных советов не

²² ГАТО. Ф. Р-641. Оп. 1. Д. 784.
ГАТО, F. R-641, Op. 1, D. 784.

поступают отцам благочинным, что свидетельствует о бездействии этих органов. Связано это было, по мнению Серафима, прежде всего, с позицией мирян. Простые крестьяне, как отмечал архиепископ, зачастую завидуют родственникам солдат, образованные люди, потерявшие связь с церковью, просто не считают дело оказания им помощи важным. Поэтому Серафим считал ошибкой передачу этого дела в руки мирян и призывал священников обратиться с проповедью к прихожанам и убедить их изменить своё отношение к помощи семьям солдат. В качестве образца архиереев предлагал проповедь протоиерея Павла Москвина²³.

Среди других информационных документов, создававшихся на епархиальном и более низком уровне управления, следует отметить отчёты о помощи фронту по епархии, отчёты о деятельности епархии за годы войны, сведения об участии монастырей епархии и духовно-учебных заведений в пожертвованиях больным и раненым воинам и сведения о работе духовенства в лазаретах для воинов²⁴. К этой же группе можно отнести Отчёты о деятельности женских монастырей по военному времени, содержавшие статистику о сборе средств на нужды армии, участии в оказании помощи раненым солдатам и беженцам, содержании приютов для детей воинов и лазаретов при монастырях²⁵. Содержание рапортов благочинных отражалось также в отчётах, посвящённых состоянию религиозного просвещения в учебных заведениях²⁶.

Кроме того, заметно созвучие содержания рапортов благочинных и некоторых нормативных документов, рассылавшихся на места. Так, в указе от 4 марта 1916 г. говорилось о благотворном влиянии войны на духовно-нравственное состояние населения, его трезвости, подъёме религиозности, взаимном сближении пастырей и пасомых²⁷. В документации, исходящей из центральных органов, часто складывается та же идиллическая картина, которая создавалась и на страницах документов, идущих снизу наверх. Ситуацию можно сравнить с взаимным отражением кривых зеркал. Создававшаяся в результате бюрократическая псевдореальность не позволяла адекватно оценить ситуацию и принять адекватные меры.

Вместе с тем, рапорты и другие информационные документы, создававшиеся на низшем уровне церковного управления, часто содержали сведения об имевших место при реализации распоряжений начальства проблемах. Так, рапорт настоятеля Нило-Столобенской пустыни архимандрита

²³ ГАТО. Ф. 64. Оп. 1. Д. 90.

ГАТО, Ф. 64, Оп. 1, Д. 90.

²⁴ Там же. Д. 67, 84, 221.

Ibid, D. 67, 84, 221.

²⁵ Там же, Д. 100.

Ibid, D. 100.

²⁶ Там же, Д. 97.

Ibid, D. 97.

²⁷ Там же. Д. 109.

Ibid, D. 109.

Аполлинария сообщал о сложностях, связанных с размещением на территории монастырского подворья воинского подразделения, и «смирненно просил» освободить обитель от солдат, т.к. иначе у него не будет возможности принять богомольцев. Архимандрит указывал на неоднократные случаи «нарушения воинскими чинами в отношении богомольцев необходимого в обители благочиния и благонравия»²⁸. Возникали и сложности, связанные с реализацией духовенством своей функции «агитаторов и пропагандистов». Так, в докладной тверского архиепископа сообщалось о неожиданном запрете со стороны губернатора проводить лекции и чтения в лазаретах без предварительного согласования с губернатором. Это, по оценке Серафима было «равносильно прекращению всяких чтений в лазаретах и лишением дорогих страдальцев за родины последнего духовного утешения и развлечения»²⁹.

Информационные документы свидетельствуют о нарастании проблем в период революции. В качестве примера можно привести переписку, связанную со слухами об инцидентах в госпиталях с участием монахинь в ночное время весной 1917 года. Авторы писем писали о том, что эти инциденты не имели место в действительности. Однако следует отметить, что сам факт распространения таких слухов являлся тревожным сигналом и свидетельством изменения отношения части населения к монахиням и Православной российской церкви в целом. Безусловно, в резко изменившихся условиях должен был измениться и сам характер патриотической проповеди, которую должны были вести православные священники. Об этих переменах позволяет судить проповедь, прочитанная в марте 1917 г. тверским архиепископом Серафимом. Она позволяет предположить, что архиерей разделял широко распространённое в то время представление о февральской революции, которую он именовал «чуть ли не самой кроткой и самой бескровной из всех революций, которые знает история». Избежать многочисленных жертв, по его мнению, удалось благодаря тому, что «Россия легко перешла к новому государственному строю, благодаря твёрдому решению Г. Думы, образовавшей временное Правительство и совету рабочих депутатов». Серафим призвал всех граждан «всемерно и любезно» поддерживать новую власть «во всех её начинаниях», чтобы после водворения порядка она могла довести войну до победного конца и осуществить созыв Учредительного собрания. Архиепископ просил настоятелей храмов «передать моей дорогой пастве Божие благословение и архипастырский призыв – к единению, спокойствию, исполнению своих обязанностей пред родиной, семьёй и ближними, а также подчинение властям, вновь установленным нашим доблестным и мудрым временным Правительством»³⁰. Из-

²⁸ ГАТО. Ф. 64. Оп. 1. Д. 237.

ГАТО, Ф. 64, Оп. 1, Д. 237

²⁹ Там же. Д. 100.

Ibid, D. 100.

³⁰ Там же. Д. 113.

менение политической ориентации монархиста Серафима (Чичагова) на первый взгляд представляется разительным. Однако следует обратить внимание, что структурном уровне изменений произошло не столь много. Русская Православная церковь в понимании тверского архиепископа должна по-прежнему выполнять функцию интеграции русского общества перед лицом внешней угрозы.

Важные сведения об уровне религиозности среди представителей подрастающего поколения содержат отчёты помощников благочинных по ревизии законоучительства в народных школах. Заголовки документов позволяют предположить некоторую предвзятость в отборе информации («Об успехах преподавания Закона Божия и о состоянии религиозно-нравственного воспитания в министерских и земских начальных училищах Тверского уезда»). Однако несмотря на это, в этих отчётах часто находили отражение реальные проблемы, с которыми сталкивалась Русская Православная церковь при индоктринации молодого поколения. Так, в них признавалось широкое распространение «противо-православных взглядов». Авторы отчётов отмечают, что состояние законоучения далеко от идеального: «в святом и великом деле законоучительства в школах доминируют учебник и программа». По наблюдению проверяющих, ученики легко излагают изученный материал, но при этом не выказывают должного благоговения, рассказывая даже «без осенения себя крестным знамением». Те же, кто его совершают, по оценке авторов отчётов, делают это машинально. Более того, полученные на уроках Закона Божия знания, мало отражались на повседневной жизни учеников. На многих детях отсутствовали нателенные крестики, дети мало молились дома, редко ходили на богослужения, неохотно участвовали в церковном пении, не подходили для благословения к священнику при встрече с ним на улице. В отчётах отмечаются проблемы, связанные с дисциплиной и методикой преподавания Закона Божия, пробелы в знаниях учащихся. С горечью отмечалось, что далеко не все уроки начинались и заканчивались молитвой. Некоторые отчёты отмечают факты непочтительного отношения к священникам со стороны отдельных учителей. Такое отношение легко передавалось ученикам³¹. Характер изложенных в отчётах сведений позволяет предположить, что в основу документов ложились не только наблюдения, сделанные во время самой проверки учебных заведений, но и опыт каждодневного общения с паствой, в том числе во время проведения обряда исповеди.

Среди документов, которые могли стать источником для составления рапортов благочинных, можно отметить отчёты о собеседованиях духовенства с ранеными в лазарете при Земской больнице и городских лазаретах. Они содержат перечень тем душевспасительных бесед. Многие среди них были посвящены пропаганде патриотических идей. Согласно отчётам,

Ibid, D. 113.

³¹ ГАТО. Ф. 64. Оп. 1. Д. 97.

ГАТО, Ф. 64, Оп. 1, Д. 97.

патриотический характер бесед был обусловлен во-многом просьбами командиров. Среди тем бесед отмечаются такие, как «Допустима ли война с христианской точки зрения», «Объяснение Евангелия и беседа с целью поднятия духа в воинах и стремления на театр военных действий», «... Два нашествия на Русскую землю: 1812 г. и настоящая война», «Дезертирство есть показатель наклонного воспитания души человека и служит гибелью для Родины», значение воинского сословия в государстве, отношения между немцами и славянскими народами, современные военные события и т.п. О содержании бесед позволяют судить содержащиеся в перечне ссылки на использованные пастырями труды, например, сочинения митрополита Московского Филарета. Кроме того, священники зачитывали солдатам религиозно-нравственные статьи из журналов «Воскресный день», «Кормчий», «Отдых христианина»³².

Чрезвычайный интерес представляют сохранившиеся в местных архивах информационные документы, созданные рядовыми священниками. Некоторые из них помогают увидеть нюансы повседневной работы патриотически настроенных пастырей с прихожанами. В качестве яркого примера может послужить донесение священника погоста Упирвичи Новоторжского уезда Сергия Богоявленского. В нём рассказывается о торжественном вручении Георгиевского креста родителям погибшего от ран унтер-офицера, героя Великой войны – уроженца деревни Мошки, Александра Стефановича Сорокина. Данный документ замечателен тем, что детально описывает пример успешного использования православных обрядов для укрепления патриотических чувств. Для того, чтобы «придать вручению Георгиевского креста более торжественную обстановку в назидание местному населению, что «за Богом молитва, а за Царём служба не пропадают», для ободрения и воодушевления народа, священник выбрал днём выдачи боевого знака «первое воскресение великого поста, когда в храме в особенности бывает много молящихся». На торжественную церемонию были приглашены земский начальник, сельские старосты и десятские, учащиеся соседних сельских школ. Церковная служба была проведена с особой торжественностью. Была прочитана панихида по погибшим воинам – прихожанам храма. Священник пишет, что верующие усердно молились и плакали. Вручению награды предшествовал крестный ход по украшенной елью и можжевельником улице. Успеху мероприятия способствовала «прекрасная, тихая солнечная погода». Священник обратился к родителям погибшего со словами утешения, сказав, что «кровь, пролитая им за Отечество, не пройдёт бесплодно... вместе с кровью других мучеников-героев она, в будущем, возвеличит Россию и сделает её могущественною и непобедимою». Родители А. С. Сорокина должны быть утешены тем, что их сын «не зарыл в землю данный ему от Бога талант, а постепенно развивал его и увеличил его до геройских размеров», а «начальство, видя его заслуги, по достоинст-

³² ГАТО. Ф. 64. Оп. 1. Д. 100, 221.
ГАТО, F. 64, Op. 1, D. 100, 221.

ву оценило их». Как явствует из описания автора донесения, торжество, «имевшее своей целью поднять дух народа, возбудив в нём любовь к Царю и Отечеству», достигло поставленных целей: «... Совершение панихиды, произнесение приветственного слова и провозглашение «вечной памяти» сопровождалось плачем и слезами молящихся»³³. Как видим, всё великолепие православного богослужения *служит как символ* (курсив мой. – А. С.) единения власти и народа, церемония становится напоминанием о том, что необходимо сплотиться перед лицом внешней угрозы. Однако, очевидно, что далеко не во всех приходах патриотическая проповедь священника находила столь же искренний отклик в душах прихожан. Обращает на себя внимание дата проведения церемонии – 3 марта 1917 г. О событиях, которые разворачивались тогда в Петрограде, и их значении для судьбы церкви, страны и монархии, священник и его паства ещё ничего не знали.

Таким образом, в целом, как и для других официальных документов, для рапортов и других информационных документов была характерна фильтрация информации, стереотипы в отражении действительности. С другой стороны, для авторов многих документов, созданных рядовыми священниками и благочинными, была характерна хорошая информированность об интимной, частной жизни прихожан. То, что пастыри вели непосредственное наблюдение за повседневной жизнью прихода, исповедовали своих пасомых и беседовали с ними, не могло не сказаться на содержании рапортов. Многие информационные документы, написанные благочинными, содержат ценную информацию о тех событиях, которые «выбиваются из общего ряда». В них содержатся данные о взаимоотношениях между членами причта, между прихожанами и священниками, о религии как факторе обострения «конфликта поколений». Они являются важным источником, позволяющим изучить масштабные процессы через их проявление в конкретных жизненных ситуациях на местах.

Список литературы:

1. Воробьёв В., прот., Кривова Н. А., Романова С. Н., Щелкачёв А. В. Предисловие // Следственное дело патриарха Тихона: сб. док. по материалам Центрального архива ФСБ РФ. М.: Памятники исторической мысли, 2000.
2. Кашеваров А. Н. Православная Российская Церковь и Советское государство (1917–1922). М.: Изд-во Крутицкого подворья: Общество любителей церков. истории, 2005.
3. Леонтьева Т. Г. Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX вв. М.: «Новый хронограф», 2002.
4. Мраморнов А. И. Судебный процесс против Саратовского духовенства в 1918–1919 гг. // Судебный процесс против саратовского духовенства в

³³ ГАТО. Ф. 64. Оп. 1. Д. 113.
ГАТО, Ф. 64, Оп. 1, Д. 113.

- 1918–1919 гг. / публ. А. И. Мраморнов. М.: Из-во Новоспасского монастыря; Саратов: Изд-во Саратовской митрополии, 2013. С. 7–76.
5. *Фирсов С. Л.* «Власть и огонь»: Церковь и советское государство: 1918 – начало 1940-х гг.: очерки истории. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитар. ун-т, 2014.
6. *Шкаровский М. В.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущёве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах). М.: Крутицкое Патриаршее Подворье: Общество любителей церковной истории, 2005.

THE REPORTS OF RURAL DEANS AS A SOURCE ON THE HISTORY OF EVERYDAY LIFE ORTHODOX PARISHES IN THE FIRST WORLD I AND THE CIVIL WAR

A. V. Sipeikin

The Tver State University, the Dept of Russian History, *Tver, Russia*

This article is devoted to the problem of using reports of rural deans as a source of information about the daily life of the Orthodox parish in the years of the Great War and Civil war. The author of this article concludes that content of the reports of rural deans is more informative than that of official documents written by superior officials. In addition, these documents are much more informative in comparison with samples of official journalism. The reports of deans say about some unique facts, which are missed in documents, which are stored in central archives. They contain data about interrelations between clergymen and believers. They say much about internal parish conflicts. Many authors of reports were good informed about private life of parishioners.

Keywords: *The reports of rural deans, The World War I, The Civil war, Soviet antireligious policy, Soviet antichurch policy, Social role of Russian Orthodox Church, Orthodox congregation, Daily life.*

Об авторе:

СИПЕЙКИН Александр Викторович – кандидат исторических наук, доцент, кафедра отечественной истории, Тверской государственный университет, (Россия, 170100, г. Тверь, ул. Трёхсвятская, 16/31, каб. 207), e-mail: sipeykin@yandex.ru

About the author:

SIPEIKIN Aleksandr Viktorovich – The Candidate of History, The Associate Professor, The Dept of Russian History, The Tver State University, (Russia, 170100, Tver, Trekhsvyatskaya St., 16/31, office. 207), e-mail: sipeykin@yandex.ru

References

- Vorob'ev V., prot., Krivova N. A., Romanova S. N., Shchelkachev A. V., *Predislovie, Sledstvennoe delo patriarkha Tikhona: sb. dok. po materialam Tsentral'nogo arkhiva FSB RF*, M., Pamyatniki istoricheskoi mysli, 2000.
- Kashevarov A. N., *Pravoslavnyaya Rossiiskaya Tserkov' i Sovetskoe gosudarstvo (1917–1922)*, M., Izd-vo Krutitskogo podvor'ya: Obshchestvo lyubitelei tserkov. istorii, 2005.
- Leont'eva T. G., *Vera i progress: pravoslavnoe sel'skoe dukhovenstvo Rossii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv.*, M., «Novyi khronograf», 2002.
- Mramornov A. I., *Sudebnyi protsess protiv Saratovskogo dukhovenstva v 1918–1919 gg.*, Sudebnyi protsess protiv saratovskogo dukhovenstva v 1918–1919 gg., publ. A. I. Mramornov, M., Iz-vo Novospasskogo monastyrya; Saratov, Izd-vo Saratovskoi mitropolii, 2013. S. 7–76.
- Firsov S. L., *«Vlast' i ogon'»: Tserkov' i sovetskoe gosudarstvo: 1918 – nachalo 1940-kh gg.: ocherki istorii*, M., Pravoslavnyi Svyato-Tikhonovskii gumanitar. un-t, 2014.
- Shkarovskii M. V., *Russkaya Pravoslavnyaya Tserkov' pri Staline i Khrushcheve (Gosudarstvenno-tserkovnye otnosheniya v SSSR v 1939–1964 go-dakh)*, M., Krutitskoe Patriarshee Podvor'e: Obshchestvo lyubitelei tserkovnoi istorii, 2005.

Статья поступила в редакцию 20.08.2015 г.